

Карл Йосеф Антон Миттермайер

Смертная казнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К23

К23 **Карл Йосеф Антон Миттермайер**
Смертная казнь / Карл Йосеф Антон Миттермайер – М.: Книга по Требованию,
2013. – 172 с.

ISBN 978-5-518-10874-5

ISBN 978-5-518-10874-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

каждаго, занимающагося составленіемъ уголовного законодательства, и побуждаютъ въ тоже время, соображаясь съ опытами, указанными въ 12 §, заботиться объ устройствѣ такихъ тюремныхъ заведеній, которыя бы исправляли преступниковъ. Въ такомъ именно смыслѣ говоритъ одинъ изъ лучшихъ французскихъ криминалистовъ Молинье, въ своемъ сочиненіи (*De la peine de mort, des preuves en matiére criminelle. Toulouse. 1862*), которое мнѣ уже попалось въ руки послѣ напечатанія настоящаго труда; именно, Молинье, разбирая безпристрастно вопросъ о смертной казни и предостерегая отъ слишкомъ скорого ея рѣшенія, высказываетъ на стр. 23 слѣдующія мысли: „пустъ испытаютъ пенитенціарную систему, пусть наблюдаютъ тѣ результаты, которые она дастъ и если будетъ найдено, что ея бояться, что страхъ наказанія достаточно защищаетъ общество, то тогда смертная казнь исчезнетъ сама собой.“ Какъ нѣкогда образованность отиѣвила пытку, которая считалась прежде неизбѣжною, наказанія, сопровождаемая увѣчьемъ, тѣлесныя наказанія и квалицированную смертную казнь, точно также вытѣснить эта сила и простую смертную казнь.

Миттермайеръ.

§ I.

Связь вопроса относительно введения смертной казни въ разрядъ наказаній съ развитіемъ возрѣній на наказаніе вообще.

Разнообразіе возрѣній относительно употребленія смертной казни, какъ наказанія, у различныхъ народовъ и даже въ различные періоды развитія одного отдѣльнаго народа служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ того положенія, что уголовное право находится въ близкой связи съ нравственными понятіями и съ общественнымъ бытомъ народа. Эта связь показываетъ, что уголовное законодательство тогда только можетъ достигнуть своей цѣли и пріобрѣсть всеобщее довѣріе, когда оно, соответствуетъ перемѣняющимся нуждамъ и потребностямъ благоразумнаго большинства гражданъ и когда роды наказаній и ихъ угрожающее начало не противорѣчатъ успѣхамъ образованности. Изъ исторіи видно, что у каждаго народа встрѣчаются свои особенныя понятія о родахъ наказаній и что часто наказаніе, которое народъ, находясь на низкой ступени развитія, одобрялъ, по своему равнодушію или грубости, мало по малу должно было уступить силѣ общественнаго мнѣнія, какъ только этотъ народъ достигалъ высшей ступени развитія и возрастающей голосъ его лучшихъ людей сталъ осуждать это наказаніе. Судя по историческимъ фактамъ, можно заключить, что хотя одна часть уголов-

ныхъ опредѣленій и основана на вѣчныхъ законахъ справедливости, но что за то необходимость и цѣлесообразность всей остальной значительной массы уголовныхъ постановленій представляются еще вопросомъ, отвѣчать на который можно только послѣ тщательнаго изслѣдованія обстоятельствъ, влияющихъ на народъ въ разные періоды его жизни. Это преимущественно замѣчается при разсмотрѣннн родовъ наказанія.

Имѣя въ виду цѣль настоящаго сочиненія, мы не находили умѣстнымъ помѣщать въ немъ исторію смертной казни по всѣмъ возможнымъ законодательствамъ; *) однако, мы считали своимъ долгомъ обратить вниманіе на тѣ данныя, которыя встрѣчаются въ исторіи римлянъ относительно мотивовъ, послужившихъ основаніемъ для установленія смертной казни, такъ какъ право римскаго народа имѣло самое большое вліяніе на развитіе правъ всѣхъ европейскихъ народовъ.

Въ уголовномъ правѣ древнихъ народовъ въ особенности и отчасти въ исторіи германскаго народа въ періодъ до-христіанскій замѣчаются три основныя представленія, находившіяся въ тѣсной связи съ установленіемъ смертной казни; именно А) представленіе о возмездіи (Talion), В) вѣрованіе въ необходимость устрашенія посредствомъ наказанія съ тою цѣлью, чтобы предотвратить совершеніе преступленій и В) представленіе о негодующемъ божествѣ и необходимости примириться съ нимъ посредствомъ наказанія.

А. Идея возмездія, состоящая въ томъ, что преступникъ долженъ, по возможности, испытать тоже самое зло, которое онъ причинилъ своимъ преступленіемъ другому, встрѣчается болѣе или менѣе въ уголовныхъ законахъ каждаго народа, стоящаго на низкой ступени развитія; это происходитъ оттого, что обыкновенно въ первыя времена народной жизни взглядъ на наказаніе развивается изъ представленій народа объ обязанности мстить и входитъ въ законодательство, которое, примыкая къ обычному праву, руководствуется этимъ взглядомъ тѣмъ чаше, чѣмъ болѣе возмездіе находится въ согласіи съ народными

понятіями, основанными на чувственных впечатлѣніяхъ и соотвѣтствуетъ древнимъ вѣрованіямъ, что пролитая кровь требуетъ пролитія другой крови. Такимъ образомъ, мы находимъ въ римскомъ правѣ, въ законахъ 12 таблицъ (таблица 8) слѣдующее опредѣленіе, вытекающее прямо изъ понятія о возмездіи ²⁾“ не мирись съ тѣмъ, кто сломитъ членъ, ибо слѣдуетъ мстить“ (qui membrum rupit, ne cum eo pacit, talio ³⁾ esto); точно также слово vindicta (мечь), означающее наказаніе, указываетъ на связь его съ мщеніемъ и возмездіемъ. При господствѣ подобныхъ воззрѣній, смертная казнь очень легко можетъ казаться справедливою, представляясь заслуженнымъ возмездіемъ преступнику, совершившему убійство.

Б. Подобнымъ образомъ можетъ оправдывать смертную казнь каждый народъ, стоящій на низкой степени образованности и, по своей грубости, непривыкшій давать значенія нравственной природѣ человѣка; такой народъ обращаетъ вниманіе исключительно на физическую природу человѣка и приходитъ къ убѣжденію, что лишь страхъ физическихъ страданій способенъ произвести впечатлѣніе на человѣка (подобно, какъ на животное) и можетъ удержать его отъ совершенія преступленій. Подъ вліяніемъ подобныхъ воззрѣній, и законъ въ свою очередь употребляетъ казанія, причиняющія физическія страданія, какъ напр. увѣчья, тѣлесныя наказанія, а для важнѣйшихъ преступленій предписываетъ смертную казнь, какъ средство для устрашенія.

В. Въ древности самое сильное вліяніе на наказанія имѣло представленіе о негодующемъ божествѣ, которому народъ, во время своей неразвитости приписываетъ человѣческія свойства, и потому вѣруетъ, что божество оскорбляютъ грѣхи и тяжкія преступленія, именно такія, которыя, по народнымъ понятіямъ, касаются его непосредственно или особенно покровительствуемыхъ имъ учреждений и вещей; за эти преступленія божество мститъ народу. Этотъ послѣдній тогда долженъ примириться съ божествомъ посредствомъ жертвы ⁴⁾, принося которую, народъ

надѣется, что божество не будетъ мстить обществу за преступленіе, совершенное однимъ изъ его членовъ. Съ этими народными вѣрованіями находится въ связи убѣжденіе, существовавшее даже въ позднѣйшія времена, именно, что тотъ, кто даже по неосторожности убьетъ человѣка, долженъ стараться умиловить ⁶⁾ боговъ; вмѣстѣ съ тѣмъ народъ вѣрилъ, что участіе виновнаго, навлекшаго на себя гнѣвъ боговъ, въ принесеніи общественной жертвы сдѣлаетъ то, что эта жертва не будетъ угодна божеству. Очень было легко, при существованіи подобныхъ понятій, признать смертную казнь наиболѣе подходящею жертвою со стороны виновнаго и средствомъ умиловить божество, тѣмъ болѣе, что это вполне соответствовало теократическимъ возрѣніямъ римлянъ въ первые вѣка ихъ исторіи. ⁶⁾ Отсюда объясняется, почему исполненіе смертной казни называлось *supplicium* т. е. богослуженіемъ, во время котораго народъ приносилъ молитвы божеству ⁷⁾ и старался примириться съ оскорбленными покровительствующими силами (*pumen*) посредствомъ смерти виновнаго. ⁸⁾ Въ связи съ теократическимъ началомъ у римлянъ находится также и произнесеніе передъ виновнымъ, совершившимъ извѣстное преступленіе, формулы: *sacer esto*; эти слова означали опалу и исключеніе преступника изъ общества; его даже можно было убить, не подвергаясь за то наказанію ⁹⁾ Исторія смертной казни у римлянъ служитъ замѣчательнымъ подтвержденіемъ историческихъ изслѣдованій, что у каждого народа взглядъ на смертную казнь стоитъ въ связи со степенью развитія его цивилизаціи, и что потому, какъ только народъ, достигнувъ высшей степени образованія, пойметъ цѣну независимости и признаетъ значеніе нравственной природы человѣка, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и найдетъ въ чувствѣ чести и независимости могущественное побужденіе поступать справедливо и станетъ сомнѣваться въ полезности смертной казни, тогда какъ тамъ, гдѣ нѣтъ независимости, смертную казнь считаютъ неизбѣжнымъ средствомъ для того, чтобы остановить гражданъ отъ соверше-

нія преступленій. Отсюда понятно, что въ Римѣ съ 6 столѣтія до Р. Х. возвысилось уваженіе къ чести и независимости и образовался взглядъ, что смертная казнь, пригодная для грубыхъ и дивихъ людей, не должна распространяться на свободныхъ гражданъ. Поэтому законы Порція отѣнили смертную казнь ¹⁰⁾, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ, въ которыхъ она употреблялась, какъ крайнее средство, и вмѣсто ея стали появляться болѣе мягкія наказанія. Мало по малу, однако, съ паденіемъ древней римской добродѣтели смертная казнь опять начала входить въ употребленіе и сдѣлалась, наконецъ, въ эпоху императоровъ общимъ наказаніемъ для всѣхъ тяжкихъ преступленій, ибо въ это время, при дурномъ управленіи исчезли уваженіе къ человѣческому достоинству, и гражданское чувство ¹¹⁾. Прѣжнее наказаніе, состоявшее въ запрещеніи воды и огня (*aquae et ignis interdictio*), тогда утратило свое значеніе.

Въ настоящемъ изложеніи нельзя оставить безъ вниманія то вліяніе, которое имѣло христіанство на смертную казнь. Между тѣмъ какъ новая религія вообще сдѣлалась самымъ важнымъ нравственнымъ элементомъ въ германскомъ мірѣ, въ Римѣ смертная казнь все еще была въ употребленіи. Это отчасти объясняется тѣмъ, что споры ¹²⁾ между христіанами, совершенный упадокъ нравственности въ Римѣ и непониманіе сущности новой религіи, воспрепятствовали настать благотѣльному перевороту въ нравахъ людей ¹³⁾. Совершенно наоборотъ, огромное значеніе имѣло христіанство тамъ, гдѣ оно было понято во всей его чистотѣ и проникло въ жизнь народа. Отцы церкви зрѣло и обдуманно противопоставляли мнимымъ разгнѣваннымъ богамъ языческой древности, гнѣвъ которыхъ будто бы смягчался казнями, идею Бога, какъ любящаго Отца, который желаетъ исправленія человѣка. Отсюда объясняются: борьба отцовъ церкви съ языческими, оскорбительными для человѣчества учрежденіями невольничества и гладиаторовъ ¹⁴⁾ и осужденіе ими смертной казни ¹⁵⁾. Въ

такимъ духъ дѣйствовали, при обращеніи германцевъ въ христіанство, папы и христіанскіе священники, объявляя несправедливымъ употребленіе пытки и смертной казни ¹⁶⁾. По каноническимъ воззрѣніямъ, уголовный законъ долженъ смотрѣть на преступленіе, не какъ на обиду частнаго лица, а какъ на оскорбленіе общества; отсюда происекалъ духъ кротости ¹⁷⁾. На одномъ церковномъ соборѣ цѣлью наказанія было признано исправленіе преступника ¹⁸⁾. Поступокъ благочестиваго Бернгардта ¹⁹⁾ показываетъ, какъ еще, въ среднихъ вѣкахъ, почтенные люди старались противо-дѣйствовать смертной казни, признавая ее несовмѣстною съ христіанствомъ. Въ связи со всѣмъ этимъ находится и учрежденіе убѣжища (asylum); идея этого учрежденія (имъ нерѣдко злоупотребляли и впоследствии его совсѣмъ исказили) состояла первоначально въ томъ, что церковь защищала всякаго, кто, спасаясь отъ соединенныхъ часто съ насиліемъ, беззаконныхъ преслѣдованій обвинителя, искалъ себѣ убѣжища въ мѣстностяхъ, объявленныхъ церковью мирными. Покровительство церкви, однако, не избавляло виновнаго отъ заслуженнаго имъ наказанія. Право убѣжища еще имѣло другое, болѣе глубокое значеніе; именно, церковь, при помощи его, старалась избавить отъ смертной казни тѣхъ, которые прибѣгали подъ ея покровительство; это видно изъ того, что церковь часто только тогда выдавала бѣглецовъ, когда ей ²⁰⁾ обѣщали, что виновный не будетъ казненъ смертию. Вообще нельзя ясно доказать, чтобы въ церкви христіанской каноническое право оправдывало смертную казнь ²¹⁾.

Въ германскомъ правѣ рано явилась смертная казнь; находясь подъ влияніемъ религіозныхъ представленій, народъ, однако, признавалъ это наказаніе такимъ чрезвычайнымъ средствомъ, что одна только воля божества могла оправдать его примѣненіе ²²⁾ въ извѣстныхъ случаяхъ. До тѣхъ поръ, пока у германскихъ племенъ въ уголовномъ правѣ существовали система вроваваго мщенія и позднѣе система композицій (пеней), представ-

ялось мало поводовъ для употребленія смертной казни; но нѣкоторыя преступленія наказывались смертью, которая находила себѣ оправданіе въ идеи мира, бывшей главнымъ элементомъ въ народной жизни германцевъ, и въ связанномъ съ этой идеей воззрѣніи, что всякій человѣкъ, совершающій извѣстныя тяжкія преступленія, нарушаетъ миръ и потому ²³⁾ можетъ быть убитъ, какъ нарушитель этого мира. Вѣроятно то, что у однихъ племенъ смертная казнь ²⁴⁾ вошла въ употребленіе раньше, чѣмъ у другихъ; она появилась прежде всего у тѣхъ племенъ, которыя находились въ частыхъ сношеніяхъ съ римлянами; вліяніе римскаго права побудило ихъ ²⁵⁾ ввести у себя смертную казнь. Этимъ вліяніемъ объясняются ²⁶⁾ также и многія опредѣленія въ капитуляріяхъ. Нужно замѣтить, что въ законахъ германцевъ, впрочемъ, какъ и у всѣхъ неразвитыхъ народовъ, встрѣчается также повсюду и мысль о возмездіи ²⁷⁾. Но особенно важно то, что церковь, послѣ обращенія германцевъ въ христіанство, поступающая совершенно согласно съ духомъ послѣдняго, сильно возставала противъ смертной казни ²⁸⁾. Несмотря на это, германцы довольно часто употребляли смертную казнь, какъ наказаніе для такихъ преступленій, которыя нельзя было загладить пеней, именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда миръ, нарушенный тяжкимъ преступленіемъ, оправдывалъ употребленіе смертной казни. Смертью наказывались въ особенности преступленія, оскорблявшія вѣрность ²⁹⁾, какъ напр. измена и нарушеніе торжественно обѣщаннаго мира ³⁰⁾, и извѣстные роды убійства, которые народъ понималъ подъ словомъ *Mord*. Употребленіе этого рода наказанія у германцевъ ³¹⁾ становилось, мало по малу, тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе римское право, въ которомъ часто предписывалась смертная казнь, приобретало вліянія на законодательства нѣкоторыхъ племенъ и чѣмъ болѣе развивались государственная власть и сознаніе, что преступленіе должно быть наказуемо, въ видахъ общественнаго интереса; это вытѣсняло систему композицій и вело къ учрежденію наказаній, которыя уже рассматривали преступленіе, какъ зло, нанесенное обществу. Очень

легко было смертной казни явиться тамъ, гдѣ уже въ уголовномъ правѣ существовала идея возмездія, гдѣ грубый народъ, привыкшій только къ однимъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, признавалъ устрашеніе цѣлью наказанія; при такихъ условіяхъ могла возникнуть необходимость ввести въ употребленіе строгія наказанія. Народу казалось совершенно естественнымъ, что преступникъ долженъ испытать то же, что онъ причинилъ другому, т. е. получить возмездіе тою же мѣрою ³²⁾. Нужно замѣтить, что цѣль наказанія, состоявшая въ устрашеніи, побудила законъ назначить смертную казнь за многія преступленія и притомъ жестокую, совершенно въ духѣ казней того времени. Однако, важно то обстоятельство, что по свидѣтельству исторіи, наказаніе смертю далеко не случалось такъ часто, какъ предписывали это статуты. Такое явленіе объясняется непрерывнымъ вліяніемъ, которое имѣло церковь относительно смертной казни, стараясь объ исправленіи преступника и потому упрямству лишенію его жизни ³³⁾. Именно, этому вліянію слѣдуетъ приписать, что средневѣковый судъ ³⁴⁾ освобождалъ преступника отъ тяжелыхъ наказаній и смертной казни, обязывая его вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ униженно принести публичное покаяніе ³⁵⁾ или, въ память покаянія, украсить церковь и построить какіе-нибудь полезные памятники ³⁶⁾ или, наконецъ, предпринять странствіе, либо путешествіе въ Римъ, соединенныя съ болѣе или менѣе тяжелыми испытаніями ³⁷⁾. Доказательствомъ того, что по количеству находящихся въ статутахъ опредѣленной смертной казни нельзя судить еще о примѣненіи этихъ наказаній, служить еще слѣдующее обстоятельство: такъ какъ строгія наказанія, опредѣляемыя часто закономъ собственно въ видахъ угрозы, признавались самою высшею мѣрою взысканія (maximum), то присяжные судьи, по своему усмотрѣнію, могли назначать за менѣе важныя преступленія наказанія въ меньшей степени. Вообще въ средніе вѣка присяжнымъ судьямъ было предоставлено право миловать ³⁸⁾, которымъ они въ особенности пользовались въ слу-